

Глава 4

— Хочешь увидеть его снова?

В вязком мареве небытия Се Чжэнь услышал голос.

— Кто ты? — спросил он.

— Ты говоришь с самим Миром.

— Чего ты хочешь?

— Я лишь желаю исправить искаженную нить истории.

— Что есть ложь, а что — истина?

— Ли Чжэн правит Великой Ли десятки лет. Народ процветает, империя крепнет, в семье его царит лад. Наследники его умны и добродетельны, а сам он доживает до ста лет в покое и радости. Это — истинный путь.

Сердце Се Чжэня болезненно сжалось от этих слов. Жизнь, полная света и тепла...

— Это и есть та история, в которую он вернется после исправления?

— Да.

—... А как же я?

— Князь Се — мудрый и верный подданный, опора престола. Легенды о согласии между государем и его министром переживут века.

Се Чжэнь прикрыл глаза.

— Какую цену я должен заплатить?

Голос стих. В тот миг, когда Се Чжэнь в панике решил, что упустил единственный шанс, сквозь пелену хаоса пробился луч света. Он резко распахнул глаза и замер: прямо на него, не мигая, в

упор пялилась пара огромных вертикальных зрачков.

Он инстинктивно затаил дыхание. Если зрачки такие огромные, то каких же размеров сам зверь? Тяжелое, влажное дыхание мерно оведало всё его тело, вздымая белую шерсть.

Се Чжэнь оцепенело повел глазами. Белая шерсть. Его шерсть.

В кого он, черт возьми, превратился?

Не успел он прийти в себя, как гигантский зверь высунул алый язык и принялся методично вылизывать его. Се Чжэнь почувствовал легкую боль — жесткие ворсинки на языке зверя цепляли кожу, заставляя его невольно извиваться и пытаться уклониться.

— Ха-ха, а малыш-то бодрячком, — раздался чей-то голос.

Се Чжэнь замер и с трудом повернул голову, выискивая источник звука.

Перед ним стоял высокий, статный мужчина, облаченный в мантию из огненно-рыжих шкур. Он широко ухмыльнулся. Мужчина неспешно подошел и коснулся макушки Се Чжэня кончиком пальца, белым и гладким, точно отполированный нефрит. В то же мгновение на Се Чжэня накатила непреодолимая сонливость. Лишенный всякой воли к сопротивлению, он позволил себе погрузиться в тишину и покой.

Гигантский зверь нежно посмотрел на белое облачко в своих объятиях — крохотный комочек шерсти чистого цвета, без единого пятнышка. Совсем как он сам, только в миниатюре.

Мужчина в мгновение ока обратился в огненно-рыжего девятихвостого лиса. Он укрыл своими хвостами и белого исполина, и маленького Се Чжэня. Лис лизнул сначала одного, потом другого. Это было их дитя, которому самой судьбой было предначертано стать необыкновенным.

К тому моменту, когда у Се Чжэня появились силы по-настоящему осознать этот мир, ему исполнилось уже двести лет. Сперва этот невероятный возраст поверг его в шок, но дни сменялись годами, годы — десятилетиями, и со временем потрясение сменилось безразличием. В конце концов само восприятие времени притупилось.

Начав жизнь с чистого листа, он поначалу не знал, что делать. Тот голос из небытия больше не подавал знаков, и Се Чжэню оставалось лишь изо дня в день упорно практиковаться под присмотром двух своих отцов-государей.

Огромный зверь, которого он увидел в день своего рождения, был одним из его родителей, принадлежавший к роду Бай Цзэ. Вторым же родителем был тот мужчина в рыжих шкурах — Девятихвостый лис, единственный представитель своего рода, доживший до этих дней.

Се Чжэнь тоже был девятихвостым, вот только хвостов у него пока отросло всего два. К тому же из-за подавляющей мощи крови Бай Цзэ, которая то и дело вступала в конфликт с наследием лисьего рода, его превращения в человека оставались крайне нестабильными: то и дело из-под маски проглядывала истинная сущность.

Кстати, о превращениях. В своем истинном облике Се Чжэнь был невероятно хорош: густая белоснежная шерсть с легким серебристым отливом сияла, точно лунный свет, а крепкие лапы выдавали в нем будущего могучего зверя.

Когда Се Чжэню перевалило за двести, отец Бай Цзэ полюбил забавляться: стоило сыну принять человеческий облик, как он принимался тискать его мягкие пушистые ушки, которые Се Чжэнь вечно забывал спрятать. После сотен таких попыток Се Чжэнь, по крайней мере, в совершенстве овладел искусством уклонения от внезапных атак.

Когда же Се Чжэнь отметил свой трехсотый день рождения, он наконец-то научился мастерски управлять сменой облика. К немалому удивлению и смеху родителей, насколько Се Чжэнь был бесталантен в метаморфозах, настолько же гениален он оказался в постижении высших божественных техник.

Бай Цзэ вздохнул и коснулся ладонью черных волос сына — лисьих ушек, которые можно было помять, больше не было. Триста лет — это важный рубеж. Молодые духи, достигшие этого возраста, должны покинуть родные края и отправиться в мир на обучение. Бай Цзэ было жаль отпускать его, Девятихвостый тоже тосковал, да и все окрестные духи-соседи, знавшие Се Чжэня с пеленок, порывались всплакнуть. Однако древние правила были незыблемы. Родители встали за спиной Се Чжэня и мягко подтолкнули его вперед, к выходу из долины.

Се Чжэню тоже было трудно расставаться со своими «приемными» родителями. Парадоксально, но с ними он провел куда больше времени, чем с родными отцом и матерью в прошлой жизни, и привязался к ним всей душой. Перед уходом он молча и крепко обнял их обоих.

— Прошла целая тысяча лет, и вот еще один Девятихвостый выходит в мир. Интересно, во что превратились земли за пределами горы Тысячи Войск? — негромко проговорил Лис.

Не дождавшись ответа от Бай Цзэ, он слегка надулся и вместе с ним устался в Зеркало Неба и Земли. Они наблюдали, как их маленький белый лисенок, старательно выпрямив спину, степенно спускается по склону. Повернув зеркало, Девятихвостый посмотрел на других молодых духов, которые вприпрыжку разбежались в разные стороны, и невольно улыбнулся.

Их лисенок был особенным. Со стороны и не скажешь, что ему всего три сотни лет.

Если бы Се Чжэнь знал, о чем думает его «папенька», он бы наверняка взорвался от возмущения. Прожить триста лет с душой взрослого человека и при этом вести себя как несмышленное дитя — это была бы уже не невинность, а откровенное скудоумие.

По пути он встретил немало сородичей. Се Чжэнь предусмотрительно скрыл свою истинную ауру — гремучую смесь кровей Бай Цзэ и Девятихвостого — и прикинулся обычным лисом-оборотнем. Оказавшись в гуще молодежи, он слушал их бесконечный щебет, который по громкости не уступал гвалту в самом шумном борделе, и уже начал горько раскаиваться.

Надо было идти одному. Если бы не просьба Бай Цзэ найти себе компанию, чтобы не томиться в одиночестве на тракте, он бы со своей скоростью уже давно был у подножия.

Се Чжэнь досадовал на минутную слабость: и зачем только он согласился на уговоры этого старика? Только лишнюю головную боль себе обеспечил.

Тем временем дух персика по имени Тао Хуа принялась в очередной раз вслух оценивать его внешность. Се Чжэнь нахмурился так сильно, что между бровями, казалось, можно было раздавить муху.

— Се Чжэнь, Се Чжэнь, а ты из какой ветви лисьего рода? Я вот знаю одного рыжего лиса, так тот хвастается, будто в его роду семь-восемь поколений назад был сам великий Царь Девятихвостых. Но, как по мне, он и в подметки тебе не годится! — Тао Хуа, не замечая его мрачного вида, продолжала трещать без умолку.

Она обожала всё красивое, и стоило ей увидеть Се Чжэня, как она тут же принялась увиваться вокруг него. Лисий род в человеческом облике всегда был хорош собой, но чем чище была кровь и выше магическая сила, тем совершеннее становилась внешность.

Се Чжэнь едва заметно поморщился и постарался держаться от девушки подальше. С древних времен считалось, что мужчинам и женщинам не пристало проявлять такую фамильярность, а эта девица, кажется, и вовсе не знала стыда.

— Не ведаю я своей родословной, — холодно отрезал он. — Небо — мой отец, земля — мать.

«Ишь, какой-то плешивый рыжий лис возомнил моим предком моего же отца? В нашем роду уже три поколения только один наследник, и это я, ясно вам?» — раздраженно подумал он.

Услышав про «небо и землю», Тао Хуа неловко охнула. «Значит, сирота беспризорная», — решила она и замолчала. Ей не хотелосьшний раз берeditь чужие раны.

Как только Тао Хуа перестала к нему липнуть, Се Чжэнь почувствовал небывалое облегчение. Впереди уже показались первые признаки человеческого жилья, и до слуха донесся далекий гул мирской суеты. Он невольно ускорил шаг — в глубине души он всё же тосковал по Великой

Ли, которую помнил триста лет назад.

Интересно, устояла ли империя? Или тот мятежник, что захватил власть, основал свою династию, и теперь его потомки почивают на лаврах? От этих мыслей в груди вскипала ярость, которая тут же сменялась гнетущим чувством бессилия.

Даже если империя жива, Ли Чжэн давно переродился, и кто знает, где он теперь. А Гун Фу, предатель, убивший государя, давным-давно превратился в прах.

Се Чжэнь шел вниз, гадая, ради чего ему дана эта вторая жизнь, и сам не заметил, как вместе с толпой молодняка оказался у самого подножия горы. Ответа на свой вопрос он так и не нашел.

— Ого! Смотрите, смотрите! Это же точно тот самый «автобус», про который батя рассказывал! Такой высокий, еще и с колесами-кругляшами!

Внезапный восторженный крик заставил Се Чжэня вскинуть голову. Он мгновенно прищурился. Что это за грохочущая железная дура пронеслась мимо?!

— Да какой автобус, балда! Это «метро»! Отец говорил, у него под колесами еще длинные... эти... рельсы железные! — возразил другой молодой дух, почесывая затылок и гордясь своей осведомленностью.

Слушая этот бред, Се Чжэнь почувствовал, как на лбу у него вздулась вена. Автобус? Метро? Рельсы? Почему его собственный «папаша» ни словом не обмолвился, что мир ТАК изменился?!

<http://bllate.org/book/17571/1708554>